

Отечественная история

УДК 94(450)+94(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2020-2-75-78

А.Ю. Дьяченко, А.Н. Телегин

РЕЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА В ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА IV И КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

В статье рассматривается рецепция истории древнеримского государства в переписке первого русского царя Ивана IV Грозного и князя Андрея Курбского. Прослеживаются общие и отличительные черты принятия авторами античного наследия и его интерпретация на примере Древнего Рима.

Ключевые слова: Древний Рим, Иван IV Грозный, Андрей Курбский, рецепция, античность, энтелехия.

A.Y. Diachenko, A.N. Telegin

RECEPTION OF THE HISTORY OF ANCIENT ROME IN THE CORRESPONDENCE OF IVAN IV AND PRINCE ANDREI KURBSKY

The article discusses the reception of the history of the ancient Roman state in the correspondence of the first Russian Tsar Ivan IV the Terrible and Prince Andrei Kurbsky. The general and distinctive features of the reception by the authors of ancient heritage and its interpretation on the example of ancient Rome are traced.

Key words: ancient Rome, Ivan IV the Terrible, Andrei Kurbsky, reception, antiquity, entelechy.

Влияние античного наследия, а особенно наследия Древнего Рима, на северо-восточные русские земли в эпоху феодальной раздробленности было не велико. Но, по замечанию ряда исследователей [1–4], оно начинает усиливаться в XIV–XV вв. Это объясняется множеством причин, которые видятся в многочисленных культурных, экономических, социальных и политических процессах. Особое влияние оказывали начавшиеся в Европе Возрождение, представители которого во многом опирались на опыт античности. Логическое продолжение данное влияние получило в XV–XVI вв. [5, с. 228]. В значительной степени это было связано с необходимостью поиска исторических точек опоры и идейного обоснования зарождающейся системы самодержавной формы правления. Свидетельством тому стало появление и развитие концепции «Москва – третий Рим», в которой предпринималась попытка обозначить преемственность Москвы как наследницы Византии и Римской империи. В годы правления Ивана IV Грозного политика централизации системы государственной власти набирает новые обороты. С падением Византии в 1453 г.

роль исторического «государства-эталона» для московских правителей начинает играть Римская империя. По замечанию Г.С. Кнабе [1, с. 64–65], в XVI в. императорский Рим становится образцом античного идеала, который начинает заменять византийское и эллинское влияние эпохи Феодана Грека, Андрея Рублева и Нила Сорского. Таким образом, понимание восприятия античного наследия в лице Римской империи представителями русской политической элиты, а особенно правителями, является важным элементом изучения процесса становления российского централизованного государства.

Наиболее яркой иллюстрацией, раскрывающей сущность данного процесса, является переписка царя Ивана IV Грозного и князя Андрея Курбского. События, предшествующие этой переписке, ее контекст давно известны. Князь Курбский, некогда входивший в Избранную Раду, в ходе Ливонской войны бежал в Великое княжество Литовское. После чего написал Ивану IV письмо, в котором объяснил свой поступок несогласием с внутренней политикой царя. Между Курбским и Грозным завязалась переписка.

Письма авторов схожи религиозностью мировоззрения. Это выражается в многочисленных отсылках к Священному писанию и упоминанию Бога [6, с. 128]. Однако для нас особый интерес представляют подобные отсылки к античной, особенно древнеримской, истории и ее интерпретация тем и другим автором. Следует понимать, что все это сопровождалось влиянием средневековой традиции восприятия античной истории, не только православной, но и западноевропейской. Оба автора демонстрируют не только эрудицию в области истории Древнего Рима, но и имеют свою личную позицию во взглядах на нее.

Позиция царя Ивана IV Грозного и его аргументы из древнеримской истории напрямую связаны с его пониманием православия (христианства) как религии прямого подчинения. Он пишет князю Андрею Курбскому следующее: «Вы не захотели жить под властью Бога и данных Богом государей, а захотели самовольства» [7, с. 123]. Далее он продолжает: «Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого и истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Бога государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли “горечь и тьма” – отойти от зла и творить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней» [7, с. 124]. Царь, таким образом, напрямую связывает подчинение единовластному правителю с Богом, добром и т. п. «Самовольство» он определяет как нечто негативное, противоестественное, безбожное, оно является причиной междоусобиц и ослабления государства. После всех этих слов он переходит к историческим примерам, а они, в свою очередь, относятся к опыту Римской империи, а не Руси, Византии, Орды или западноевропейских королевств. Он пишет князю Андрею Курбскому: «Август-кесарь ведь обладал вселенной: Аламанией и Далмацией, всей Италией, готами, сарматами, Афинами, и Сирией, и Азией, и Киликией, и Междуречьем, и Каппадокийскими странами, и городом Дамаском, и Божьим городом Иерусалимом, и Египтом, и до Персидской державы – все это было многие годы единой властью, вплоть до благочестивейшего царя Константина Флавия. Но затем его сыновья разделили власть: Константин в Царьграде, Констанций в Риме, Конста же в Далмации. С этого времени Греческая держава стала дробиться и оскудевать» [7, с. 131–132]. В данном отрывке хоть и имеется множество ошибок и заблуждений, характерных для того времени, русский царь представляет период правления

от Октавиана Августа до Константина I Великого примером идеальной политической организации государства. Перечисляя с запада (северо-запада) на восток (юго-восток) территории, входившие в состав Римской империи, Иван IV приводит их на момент расцвета Рима эпохи принципата (примерно времена Траяна и Адриана), но связывает этот расцвет с именем «Августа-кесаря» и заканчивает этот расцвет Константином I. Действительно, этот период римской истории связан с постепенным усилением императорской власти и переходом от системы принципата к доминату. Но в глазах царя это время едино по своей сути, как время правления сильных и самодержавных властелинов. Начало упадка империи он связывает с процессом децентрализации власти, с разделением территорий и отсутствием одного сильного правителя. Период правления Августа, время становления системы принципата, трактуется Иваном IV как абсолютная монархия, хотя на тот момент она еще не сформировалась. Система управления при первых императорах строилась несколько на других принципах, нежели система управления в Московском государстве в XVI в. Сенат еще в I–II вв. н. э. продолжал играть определенную, порой довольно важную, роль в политической жизни Рима и являлся сдерживающим фактором попыток установить абсолютную власть со стороны первых императоров [8]. Существовала уже давняя традиция верховенства норм права в системе управления, которая ограничивала власть в ее действиях и не позволяла творить откровенный произвол, по крайней мере, это грамотно камуфлировалось. Начинания по установлению режима личной деспотической власти в лице таких императоров, как Калигула и Нерон, терпели крах и заканчивались их свержением. Некоторые представители элиты еще лелеяли мечты о восстановлении республики. Представления царя о раннем периоде империи ближе по своему характеру к эпохе домината и Византии.

Фигура первого принцепса, судя по всему, сакральна для царя еще и потому, что он не только заложил основы новой системы управления, но и потому, что с его правлением связано начало нового мира – рождение Иисуса Христа. Константин Великий также важен, так как при нем христианство стало обретать статус государственной религии. Таким образом, на примерах римских императоров Грозный доказывал свою правоту и выстраивал иерархию «Бог – царь – подданные». В его «схеме» отсутствует место для элиты, законов, морали и т. п. Подобная трактовка, как уже говорилось, больше подходит для позднего пери-

ода римской истории, система принципата строилась на другом фундаменте. Грозный не обращает внимание на то, что власть Августа и первых императоров не воспринималась как непререкаемая по своей природе. Он не знает или не замечает (а может, и не хочет замечать?), что первые принцепсы не были абсолютами, а лишь первыми среди равных и опирались на свое окружение в лице сподвижников, администрации, преторианской гвардии и лояльных сенаторов. Римские императоры, особенно Август, были авторитетами для русского царя настолько, что он стал возводить к ним свою родословную. В 1567 г. он писал Сигизмунду II Августу: «Наши великие государи почтен от Августа кесаря, обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя» [9]. Это письмо как раз приходится на временной отрезок переписки с Курбским. Иван IV видит себя как биологическим продолжением римских императоров, так и продолжателем их «дела» по построению неограниченной монархии. Самодержавие, с точки зрения царя, имеет божественное происхождение и привнесено на Русь из Византии и Рима через крещение. Таким образом, он напрямую связывает традицию сильной власти императоров с христианской религией. Идею ограниченной монархии Грозный воспринимает резко отрицательно, для него она является синонимом распада государства.

Князь Андрей Курбский, со своей стороны, наоборот, говорит о важности усиления роли знати в управлении государством, он часто обращается к таким понятиям, как «естественные законы» и «добродетели». В качестве подтверждения своих аргументов он тоже обращается к античной римской традиции, но не имперского, а республиканского времени. Курбский ссылается на «Парадоксы стоиков» Марка Тулия Цицерона. К слову, Цицерон был ярким политическим противником Октавиана Августа, выступал против неограниченной власти и защищал республиканские устои, за что и был казнен членами второго триумvirата.

Андрею Курбскому, судя по всему, были близки взгляды и фигура Цицерона, с трудами которого он мог познакомиться уже в Польше и Литве. Он пишет Грозному (который, вероятно, не был знаком с трудами Цицерона): «А еще посылаю тебе две главы, выписанные из книги премудрого Цицерона, известнейшего римского советника, жившего еще в те времена, когда римляне владели всей вселенной. А писал он, отвечая недругам своим, которые укоряли его как изгнанника

и изменника, подобно тому, как твое величество, не в силах сдержать ярости своего преследования, стреляет в нас, убогих, издали огненными стрелами угроз своих понапрасну и попусту» [7, с. 173–174]. Далее следуют отрывки из «Парадоксов», в которых Цицерон критикует своих политических противников, называет их безумцами и сумасшедшими, обвиняя в разрушении государственных институтов, судов, Сената, в уничтожении силы законов.

Курбский использует отрывок Цицерона «Против Клавдия»: «Может быть, перестанешь беситься и рассмотришь свои поступки?.. Всех злодеев и безбожников, которые считают тебя своим вождем, по закону требуется предать изгнанию. Они уже по своей сути изгнанники, хотя еще не покинули своей страны... Ты утверждаешь, что ты находишься в Риме? Нет, ты не в Риме, ты в каком-то странном месте пребываешь» [7, с. 175]. Здесь бежавший князь делает острую филиппику в адрес Грозного, считающего себя правителем «Третьего Рима». После этих отрывков Курбский пишет: «Посмотри же, царь, со вниманием: если языческие философы по естественным законам дошли до такого разума и великой мудрости между собой, как говорил апостол: “Помыслам осуждающим и оправдывающим”, и того ради допустил Бог, что владеют они всей вселенной, то почему же мы называемся христианами, а не можем уподобиться не только книжникам и фарисеям, но и людям, живущим по естественным законам!» [7, с. 177]. Андрей Курбский был более близок к идеям западного Возрождения, особенно после знакомства с трудами Цицерона и других античных авторов, которые были популярны в то время в Европе. Выстраивая ответ и образ Цицерона, он встраивал его в свой жизненный опыт. Опираясь на Марка Тулия, князь пытается доказать свою, противоположную Ивану IV, точку зрения. Она заключается в том, что «естественные законы», «царская совесть» и «справедливость» выше одного абсолютного правителя. Он выступает против неограниченной монархии, поддерживает точку зрения Цицерона о важности Сената (аристократии, элиты) в управлении государством. В то же время он считает умозаключения античного автора неразрывными с христианской этикой и Богом.

Князь Андрей Курбский не ограничивается цитатами из произведений Цицерона, он пытается показать недостатки самовластия на примерах авторитетов Ивана IV. Например, князь пишет про Константина I: «А ведь тот же Константин Великий, уже давно пребывая в правоверии, тоже подхалимов и скверных льстецов и велел без вины заковать в око-

вы трех мужей, ранее посланных от него в Верхнюю Фригию для усмирения местного населения. И это он сделал из-за навета, ложной клеветы соблазненного золотом епарха, и в ту же ночь приказал умертвить их, связанных, заточенных в темницу» [7, с. 175]. Этим отрывком Курбский показывает на примере Константина, на которого ссылался Грозный, отрицательную сторону самодержавной власти, как бы проводя параллель с самим царем и его политикой опричнины.

Таким образом, рецепция истории Древнего Рима в переписке Андрея Курбского и Ивана Грозного представлена через призму личного

жизненного опыта авторов и православного христианства. Особое влияние на восприятие римской истории в переписке сторон оказали исторические процессы и события XVI века, особенно европейское Возрождение, внутривосточная борьба в Московском царстве, его отношения с западными государствами и Ливонская война. В позициях сторон четко прослеживаются два противоположных друг другу начала: республиканское (олигархическое) – у Курбского и имперское (самодержавное) – у Грозного. Для каждого из авторов собственное понимание древнеримской истории является своеобразной энтелехией.

Библиографический список

1. Кнабе Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного населения в культуре России. М.: РГГУ, 1999. 240 с.
2. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. 544 с.
3. Черняев А. В. У водораздела русской политической мысли: переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. 2016. Т. 9, №1. С. 80–100.
4. Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
5. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.
6. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Яз. рус. культуры, 1998. 417 с.
7. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1979. 431 с.
8. Парфенов В. Н. Ранний принципат: военно-политический аспект: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Саратов, 1995. 34 с.
9. Чернышов С. А. Иван Грозный – потомок Чингиз-хана или Августа: легитимизация верховной власти Московского царства в коммуникационных практиках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 159–174.